

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	91
page range	17-43
year	2010-04-30
URL	http://doi.org/10.15021/00001044

Глава 1. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУВИНСКОГО ЭТНОСА

Проблема происхождения тувинского этноса долгое время принадлежала к числу наиболее сложных и спорных аспектов этнической истории Центральной Азии. Начиная со второй половины XX в. эта проблема привлекала к себе пристальное внимание ученых-тувиноведов. Одна за другой рождались гипотезы, высказывались догадки и предположения, исследовались различные стороны этнической истории тувинцев. Этот неизменный, не угасающий до наших дней интерес объясняется многими причинами, в особенности тем обстоятельством, что письменными источниками засвидетельствовано существование тувинцев под разными названиями. В более ранний период (XVII — XVIII вв.) они были известны под названием урянхи (уряньхайцы - М. М.), в более поздний (XIX — начало XX в.) — сойоты.

Неослабевающий интерес к этнической истории тувинцев вызван также той своеобразной ролью, которую играли предки современных тувинцев в исторических судьбах целого ряда народов и племен древности и средневековья. Немаловажным является и то обстоятельство, что в настоящее время тувинцы проживают на территории трех стран — России, Монголии и Китая.

Основоположниками изучения этнической истории тувинцев по праву являются русские ученые XIX — XX вв. — Н. Я. Бичурин (1950, 1953), Г. Н. Потанин (1883), Г. Е. Грумм-Гржимайло (1926), Н. Ф. Катанов (1903); а в советское время — А. П. Окладников (1957), Д. Г. Савинов (1985), Н. А. Сердобов (1971), С. И. Вайнштейн (1957, 1969, 1988) и другие, внесшие наиболее весомый вклад в разработку этой проблемы.

Достоянием современного тувиноведения стали также работы ряда тувинских исследователей, в которых приводятся ценные исторические и этнографические сведения, позволяющие уверенно утверждать, что, по крайней мере, во второй половине XVII в. тувинцы уже обитали на территории нынешней Республики Тыва, либо по соседству с ней (Маннай-оол 2004; Монгуш 2002:13-21).

Существенное значение для изучения вопросов этнической истории тувинцев имели сочинения китайского историка Сымацяна, ряда тюркских и арабо-персидских авторов, таких как Гардизи, Махмуда Кашгарского, ал-Марвази, ал-Идриси, Рашид ад-Дина и других. Их труды во многом

способствовали раскрытию этногенетических связей тувинцев и некоторых сторон их этнической истории.

В 1950-60-е годы достаточно активно проводились исследования археологов, этнографов, историков и языковедов в области изучения проблемы происхождения тувинского этноса. Результаты этих исследований показали, что основное ядро тувинского этноса или, по крайней мере, один из основных компонентов, вошедших в его состав, имеют центральноазиатское происхождение. Вместе с тем было признано, что вопрос о более точной локализации основного этнического ядра тувинцев остается еще недостаточно изученным.

Ценные данные по вопросам этнической истории тувинцев содержит второе издание первого тома «Истории Тувы», написанное коллективом ученых, на протяжении нескольких десятилетий занимавшихся исследованием Тувы (2001).

Перечисленные материалы и источники служат прочным фундаментом для выявления главных этапов этнической истории тувинцев. К настоящему времени определились основные этапы становления и формирования тувинского этноса, растянувшиеся по времени на несколько веков, в течение которого каждая новая историческая эпоха, приходившая на смену старой, непременно вносила свои этнические компоненты в этногенез местных племен Центральной Азии и Южной Сибири.

Находки древнейших археологических памятников свидетельствуют, что в своем историческом развитии племена, населявшие Туву еще в каменном веке, были тесно связаны с широким культурным ареалом; особенно активными были культурные контакты жителей горно-степных территорий с Центральной Азией, а горно-таежных районов — с Южной Сибирью. Обнаруженные здесь памятники позволяют утверждать, что территория современной Тувы, особенно ее южные и центральные районы, были заселены людьми еще в глубокой древности. Здесь, в частности, были найдены архаические каменные орудия типа ручного рубила, которые по археологической типологизации относятся к ашельскому времени – 400-100 тыс. лет назад. В то далекое время в Туве обитали небольшие группы охотников-собирателей, которые по мере необходимости двигались за стадами диких животных. Они жили в небольших примитивных хижинах и шалашах и, возможно, в пещерах. Культуру ашельцев специалисты относят к нижнему палеолиту — заре человеческой истории (История Тувы 2001:8).

Значительно больше находок относится к более позднему времени, получившему название «мустье» и датируемому обычно в пределах 100 — 40 тыс. лет назад, — времени обитания неандертальцев. Памятники

этого периода лучше всего изучены на юге республики — в долине реки Саглы; известны они также в Центральной Туве. Важную роль в их открытии сыграла Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук СССР, руководимая А. Д. Грачом (1969:54). По материалам этой экспедиции трудно восстановить хозяйственную деятельность и быт тогдашних обитателей Тувы. Можно лишь предположить, что социальная организация общества была достаточно сложной: складывались прочные сплоченные коллективы, возникали группы общин, пользующихся сходным инвентарем на обширных территориях, что позволяло некоторым ученым видеть в этом сходстве существование определенных археологических культур. Уровень развития общества и людей, соответствующий мусьтерским охотникам и собирателям, был сравнительно высоким (История Тувы 2001:14).

Приблизительно 35 тыс. лет назад человек современного типа, т. е. *homo sapiens*, сменил неандертальцев, в результате чего верхнепалеолитическая технология сменила мусьтерскую. На основании находок памятников верхнего палеолита в Туве можно сделать вывод, что ее обитатели жили небольшими родовыми общинами, занимаясь охотой и собирательством. Свои орудия они по-прежнему изготавливали из камня, рога, кости и дерева приемами отбивки и мелкой подправки. Верхний палеолит с точки зрения общественного развития — эпоха становления первобытно-общинного и родового строя. Археологические материалы, прежде всего типы орудий и способы их изготовления, не отражают различия в социальных структурах, но фиксируют дальнейший процесс развития человека — их изготовителя. Усложняются конструкции жилищ при сохранении чума. Вероятно, были и поселения из нескольких жилищ, как это наблюдалось в некоторых других районах Сибири.

В эпоху позднего палеолита создавались и вызревали предпосылки для еще более быстрого прогресса в новом каменном веке. Совершенствование орудий труда, сооружение жилищ делало людей более приспособленными к любым неблагоприятным условиям природной среды. На территории Тувы известно несколько десятков позднепалеолитических стоянок; они обнаружены также на Алтае, в Монголии, Прибайкалье и Китае.

Вслед за палеолитом наступил переходный период в истории человечества, в том числе в жизни племен Тувы, получивший название мезолита. Начало его связывают с наступившим около 8300 лет назад потеплением климата и отступлением ледников, в результате чего бывшие тундростепи заросли лесами, некоторые крупные животные (мамонты) вымерли, других (бизонов) стало меньше, северные олени отошли в

тундру и горные массивы; увеличилось количество лесных видов, таких как лось, которые требовали иных способов охоты, что привело к распространению лука и стрел с каменными наконечниками. Увеличилась влажность, появились мелкие речки, стойбища людей стали более кратковременными, появилась специализация в охоте на определенных животных, в частности, на козерога. Именно на него охотились обитатели позднепалеолитической стоянки напротив устья Хемчика; там обнаружены очаги, выкладки из камня, кости козорогов, орудия, кремневые наконечники стрел (там же:21). В южных и центральных районах Тувы найдены следы деятельности людей этого времени: они продолжали вести охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни, постепенно совершенствуя орудия труда, изготовленные в основном из камня.

На смену мезолиту 6-5 тыс. лет назад в Евразию пришел неолит, сыгравший важную роль в истории хозяйства и культуры народов данного региона. К этому времени люди уже расселились почти по всей Сибири, достигнув берегов Ледовитого океана. В Туве, как и в других районах мира, появилось гончарство, что знаменовало новую ступень развития. Был освоен производственный процесс, связанный с применением огня, давший в руки людей нечто совсем новое, чего не существовало прежде в природе: керамическую посуду и другие изделия из глины, приобретшие долговечность и прочность камня (там же:24).

Вслед за неолитом наступил энеолит, или медно-каменный век, а затем эпоха бронзы. В это время люди научились использовать медь (и другие самородные материалы), а также ее соединения с мышьяком и оловом, получая бронзу. Произошло освоение огромного степного пространства; массовое распространение получили курганные обряды захоронения. Устанавливались разнообразные контакты между различными группами, которые привели к сложению подвижных форм скотоводства и знакомству с достижениями раннеземледельческих цивилизаций, расположенных на пограничье с Великим поясом степей. Это влияние через посредство диффузии и миграции какой-то части населения из первоначальных очагов становления степного скотоводческого хозяйства достигло и Саяно-Алтайского нагорья.

В конце III тыс. до н.э. на территорию Тувы проникла первая волна этих мигрантов, материальная культура которых была близка к афанасьевской, названной так в честь могильника, расположенного у Афанасьевой горы в Хакасии. Исследователи полагают, что афанасьевцы были первыми людьми, принесшими на юг Сибири производящие формы экономики. Они хорошо знали домашних лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот, в том числе и яка. Антропологический тип и характерные

особенности материальной культуры афанасьевцев позволяют связывать их происхождение с древнеямской культурно-исторической областью, занимавшей во второй половине IV-III тыс. до н.э. все восточно-европейские степи от Дуная до реки Урал (Алексеев 1974:390).

Антропологический тип населения Тувы неолита и бронзы из-за ограниченного количества находок костных останков людей еще недостаточно изучен. Но большинство исследователей считают, что здесь обитали люди древнего европеоидного типа (История Тувы 2001:37).

VIII-III вв. до н.э. характеризуются проникновением на территорию современной Тувы новых племен, которые в значительной мере вытеснили прежних жителей Верхнего Енисея. В их хозяйстве, культуре, быте и даже в языках было много общего, что позволило ученым назвать их общинный мир **скифо-сибирским**, так как наиболее известными среди них были скифы, которые по сведениям древних источников, населяли бескрайние степи от Дуная на западе до Ордоса на востоке. Сходство в культурах племен скифо-сибирского мира прежде всего проявилось в типологической близости курганного обряда захоронения, в типах оружия, конском снаряжении и в особенностях стиля искусства, который был определен специалистами как «звериный стиль». Вместе с тем в их огромном ареале было выделено много вариантов, отличавшихся друг от друга локальными особенностями, что не позволило рассматривать культуры этих племен как нечто безусловно единое.

В расовом отношении население Тувы в этот период, как и в предыдущий, было европеоидным (Алексеев, Гохман 1986:103). При скифах был совершен переход от оседлых пастушеско-земледельческих форм хозяйства к кочевому скотоводству, которое с тех пор стало основным занятием населения Тувы на протяжении 2,5 тыс. лет. Впоследствии кочевое скотоводство во многом определило и формы быта, культуры, искусства и религиозных верований местных племен. Археологические раскопки позволили установить, что в скифское время в Туве разводили почти все основные виды домашних животных: овец, коров, лошадей, верблюдов. Излюбленным блюдом местных племен была баранина, а овечья шерсть шла на изготовление одежды, выделку шерстяных тканей и войлока. Особую роль в жизни людей играла лошадь: она служила транспортным животным, в том числе для верховой езды, источником получения кумыса, мяса, конского волоса. Лошадь занимала важное место в системе религиозно-культурных представлений, в обрядах сакрального характера, была одним из главных образов в изобразительном искусстве и мерилем богатства. Знатных людей после смерти погребали с конем, чтобы он благополучно сопроводил своего хозяина в загробный

мир (История Тувы 2001:41; Даржа 2003:5).

Благодаря развитию металлургии бронзы и внедрению железа широкое распространение получило ирригационное земледелие, требовавшее сооружения и поддержания сети оросительных каналов. Остатки проса, ячменя, пшеницы и каменных жерновов, найденных в курганах VII-III вв. до н.э., свидетельствуют о значительной роли земледелия в скифское время.

Определенную роль в хозяйственной жизни племен Тувы играли охота и собирательство. Объектами охоты были медведи, маралы, кабаны, горные козлы, кабарга и другие звери, а также дичь; а объектами собирательства – ягоды, коренья, орехи и т. д.

Относительно одежды можно сказать следующее. Судя по одежде, найденной в курганах Алтая и Тувы, население носило короткие кожаные и меховые кафтаны, полусапожки, островерхие войлочные и меховые шапки, штаны из шерстяных тканей, кожи и меха. Существенной разницы в покрое мужской и женской одежды не было. Известны также длиннополые кафтаны с очень узкими рукавами, фрагменты костюма из собольего меха, покрытого шелковой материей, с нагрудником и туникообразный распашной войлочный мужской кафтан. Исследования известного тувиноведа С. И. Вайнштейна показали, что этот кафтан по покрою аналогичен тувинскому войлочному дождевику — *хевенек* (1991:185-186).

Мнения ученых относительно социально-экономического строя скифов существенно расходятся. Одни считают, что они находились на последней ступени разложения первобытно-общинного строя. Другие трактуют его как примитивное государственное образование, третьи — как переходный период от союза племен к первичному государству рабовладельческого типа (История Тувы 2001:44). Однако многие из них едины в том, что племена, жившие в Туве в скифское время, составили этническое ядро тувинского этноса. Отголоском этой эпохи, сохранившимся по сей день, являются элементы скифского «звериного стиля», постоянно присутствующие в традиционном декоративно-прикладном искусстве современных тувинцев.

Археологические и палеонтологические исследования выявили, что во II в. до н.э. на территорию Тувы и сопредельных регионов проникли довольно сплоченные и воинственные племена, которые имели не только иную форму материальной культуры, но и другой внешний облик. Оказавшись под натиском пришельцев, часть прежнего населения навсегда покинула обжитые места, а оставшиеся покорились им, восприняли их образ жизни и культуру и даже стали смешиваться с ними.

В «Истории Тувы» по этому поводу говорится, что крупные перемещения кочевых племен и обусловленные ими этнодемографические и культурные процессы были вызваны бурными политическими событиями в степях Центральной Азии, начавшимися в конце III в. до н.э., когда там сложился могущественный племенной союз, известный из китайских источников под названием **хунну** (сюнну). В короткий срок хунну, возглавляемые шаньюем (правителем) Модэ (206-174 гг. до н.э.), одержали ряд решающих побед над местными племенами и расселились на обширном пространстве, включая территории современной Монголии, Забайкалья и Тувы. Затем Модэ выступил против Китая, где в то время правила династия Хань. Сильная китайская армия не смогла противостоять хунну; последние вынудили китайцев выплачивать им дань (2001:50).

Образование государства хуннов было результатом развивавшегося процесса классообразования среди значительной части кочевых племен Центральной Азии. В государственном устройстве хунну многое позаимствовали у Китая, например, они разделили высшие военные и административные чины на правых и левых, поделили кавалерию на четыре части в соответствии с частями света, при котором каждая часть имела одномастных лошадей.

В процессе постоянных грабительских набегов на соседние племена родоплеменная знать хунну постепенно превращалась в военно-аристократическую верхушку, противопоставлявшую себя массе рядовых кочевников-скотоводов. Хуннам были известны элементы рабства, но рабовладельческие отношения в целом были неразвитыми и имели патриархальный характер. Основу хозяйства составляло кочевое скотоводство, ценные сведения о котором приводит известный китайский историк Сымацян: «Обитая за северными пределами Китая, (хунны - *М. М.*) переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, ишаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде... Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются его кожами, покрываются шерстяным и меховым одеянием» (Бичурин 1950:39-40).

Наряду со скотоводством хунну занимались охотой и частично земледелием. Жили они в неразборных сферических плетеных шалашах, покрытых войлоком, которые при необходимости перевозились на телегах (Вайнштейн 1976). Вопрос о языке хунну до сих пор остается спорным, хотя, как считают исследователи, их племенной союз был этнически неоднородным и, возможно, включал тюркоязычное население (История

Тувы 2001:52).

Однако могущество хунну было недолговечно. В начале 70-х годов 1 в. до н.э. их державу настиг глубокий кризис, вызванный внутренними социальными противоречиями, экономическими трудностями и военными поражениями, что послужило благодатной почвой для восстания поработанных племен. Китайская летопись сообщает, что «динлины, пользуясь слабостью хунну, напали на них с севера, ухуаньцы вступили на землю их с востока, усунь с запада. Эти три народа порубили несколько десятков тысяч человек и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец» (Бичурин 1950:82).

В середине 1 в. до н.э. держава хунну окончательно раскололась на северную и южную. Шаньюем южных хунну стал Хуханье, а его брат Чжичжи возглавил северных хунну, во владения которых попала территория Тувы. Но междоусобицы и восстания местных племен, напротив, усилились и в конечном счете привели к окончательной гибели государства северных хунну. Китайские источники засвидетельствовали это событие так: «Южные поколения напали на них (хунну — *М. М.*) с лица, динлины произвели набеги с тыла; сяньбийцы ударили с восточной, владения Западного края — с западной стороны. После сего северные хунну не могли сами собой восстать и далеко уклонились» (там же:26).

Население Тувы в эпоху гуннов (хунну) отличали монголоидные черты, характерные для так называемого южно-сибирского антропологического типа, представленного ныне киргизами, казахами и хакасами. Ученые находят в этом отражение смешения аборигенных жителей Тувы скифского времени с пришедшими в гунно-сарматскую эпоху из Центральной Азии монголоидными племенами. Изучение антропологических материалов крупного могильника в урочище Кок-Эль на западе Тувы показало, что средняя продолжительность жизни у похороненных была следующая: у мужчин — 38,4 года, у женщин — 37,9. Сравнительно велика была детская смертность, так как 22 могилы из всех содержали останки детей (История Тувы 2001:54). Хотя кокольцев отличала от предшествующего населения выраженная монголоидность, но имелась и заметная примесь европеоидного компонента, генетически восходящего к населению скифского времени (Алексеев, Гохман 1986:87).

В конце 1 в. до н.э. на политическую арену Центральной Азии вышли многочисленные племена скотоводов-кочевников **сяньби**; они подчинили себе разбитых ими и частично оставшихся на своих прежних территориях хунну. Но в конце II в. н.э. военно-политическое объединение сяньбийских племен распалось. На его осколках в III в. сложился новый

союз сяньбийских племен во главе с родом *моюн*, а затем — с родом *тоба*. В зависимость от сяньби попали племена, кочевавшие по северную сторону пустыни Гоби, ранее входившие в подчинение государства северных хунну и обобщенно именовавшиеся в китайских источниках *динлинами*. Однако в IV в. здесь образовался самостоятельный союз племен *гаогюй*, которые позднее стали именоваться *теле*. История этих племен связана с государством монголоязычных *жужаней*, возникшим в V в., а затем с государством древних *тюрков*.

Некоторые ученые считают, что до династии Суй (598 — 618 гг.) этноним «динлин» являлся общим названием именно для тюркоязычных племен, который затем был заменен этнонимом «чиле», превратившимся вскоре в «теле» (см. Boodberg 1951).

Относительно племен гаогюй есть предположение, что они получили это название будто бы по бытовому признаку: слово «гао-гю» означало высокие повозки, в которые впрягали быков, чтобы совершать перекочевки. Из китайских летописей известно, что гаогюй кочевали на территории современной Монголии и частично Тувы. Главное племя гаогюй юаньхэ, которое позднее стало именоваться вэйхо, хуйхо или **уйгур**, обитало по соседству с территорией современной Тувы и в бассейне реки Селенги. Наименование «уйгур», конечно, не случайно сохранилось до настоящего времени у одной из групп тувинцев, проживающей в долине реки Хемчик (История Тувы 2001:67).

С середины VI в. на территории Центральной Азии и Южной Сибири сформировались две основные этнолокальные группы — *тюрков-тюкю* (түгю), создавших крупнейшее государство раннего средневековья — **Тюркский каганат**, и подчиненных им в социальном отношении — *теле*.

Теле, или гаогюйские предки тувинцев, по свидетельству древних источников, считали себя потомками хунну и их язык был сходен с языком хунну (Бичурин 1950:214). На протяжении VI — VII вв. они кочевали уже не только по северную сторону пустыни Гоби, как было ранее, но и на обширных пространствах от Большого Хингана до Тянь-Шаня. Они также часто появлялись по южную сторону Гоби, углубляясь на юг до Великой Китайской стены. Территория Монголии и Тувы входила в состав их кочевий.

Теле в то время представляли конфедерацию племен, из которых наиболее часто упоминаются тюрки-тюкю, уйгуры, сеяньто (сойон или соян), паегу (байырку), тунло (тонгра), пугу, аба, телеер, секйе, толанко (доланьгэ или теленгит), киби, атйе (эдиз), хун (остатки хунну), хусие (хуса), фуно, фулико, тубо (дубо), гулигань (курукан) и другие. В «Истории Тувы» приводятся подробные данные о местах их расселения:

уйгуры жили на реке Селенге, а хусие — на реке Тола. Севернее Тола обитали пугу, паегу, фунло и фуло. Около Монгольского Алтая в Джунгарии кочевали сеяньто, таки, телеер, в районе озера Хубсугул — тубо. В летописи Танской династии (618 — 907 гг.) кочевья уйгуров, толанко, хуса, пугу указаны в бассейне верхнего течения Селенги, по Орхону и Толе, а тубо — к северу от уйгуров, к востоку от кыргызов и к югу от озера Хубсугул. Гулигань являлись самым северным племенем теле и жили по северную сторону Байкала. Племена наегу и атые указаны у границы современной Маньчжурии, племя фулико размещалось за Большим Хинганом в Юго-Западной Маньчжурии, а киби на крайнем западе — в долине Юлдуса на северо-западе от Карашара (2001:68-69).

Основу конфедерации теле составляли племена уйгуров. В современном родоплеменном составе тувинцев есть этноним «уйгур» в названии рода ондар-уйгур, «теленгит» (толанко) — делег, «тубо» — в самоназвании тувинцев «тыва». По китайским летописям и древнетюркским руническим надписям ученые установили, что древние предки тувинцев в основном относились к племенам теле. Подтверждение тому мы находим и в их этнонимах, в которых явно присутствуют древние тюркские этнические элементы.

Династийные летописи содержат немало сведений, отражающих сложность этнического состава тюрков-тюкю (Кюнер 1958:123). В них говорится, что они, как и многие племена теле, происходят от хунну и некоторых племен Саяно-Алтайского нагорья. В Суйской хронике встречаются сведения о тюрках-тюкю, предки которых были «варварами сложного происхождения», а древнетюркские рунические надписи называют тюрками-тюкю или кок-тюрками союз тюркоязычных племен, возглавляемых родом Ашина, в число которых входили и собственно тюрки-тюкю, и ряд племен, из которых чаще упоминаются тюргеши, карлуки, шато, дулу, нушибы, огузы, кыпчаки (Liu Mau-tsaï 1958:40; История Тувы 2001:71-72). Племена тюрков-тюкю с середины VI до середины VIII в. распространили свое военное и политическое влияние и свои кочевья на Алтай, Туву и Монголию, что привело к еще большему этническому смешению исторических предков тувинцев.

Рассматривая вопрос об исторических предках тувинцев необходимо иметь в виду различные виды их контактов с протомонгольскими племенами, так как монголоязычные племена в свое время входили в состав государства хунну и жили в непосредственной близости с тюркоязычными племенами теле. Монголоязычные племена во времена Тюркского каганата еще не объединились под общим этнонимом «монголы». Они жили гораздо восточнее территории современной

Монголии в лесистых областях и горных долинах. Южными из них были **кидани** и **си** (хи). Кидани обитали по восточную сторону Большого Хингана в бассейне Ляо-хэ. В китайской летописи они значатся как ветвь хунну (Таскин 1960:52). Племена **си** жили к западу от современного Иншаня, достигая озера Далай-нор. В древнетюркской рунике они фигурируют под названием «татабы» (История Тувы 2001:73).

Северные монголоязычные племена выступают в летописях под обобщенным названием «шивэй» (особое племя киданей, потомки динлинов) и «жужане» (по древнетюркским надписям — татар, татабы) (Кюннер 1958:61). Среди шивэй была группа мэну, от названия которой, как полагают исследователи, произошел термин «монгол».

Все вышеперечисленные монголоязычные племена, бесспорно, оказали определенное влияние на этногенез тувинцев, не нарушив при этом устойчивость тюркского компонента. Более поздними вливаниями в этнический состав населения Тувы и сопредельных территорий, усиливших тюркский субстрат, стали токуз-огузы, азы, чики и кыргызы. Результаты исследований С. И. Вайнштейна и М.Х.Маннай-оола показали, что на территории современного Тоджинского кожууна Республики Тыва в древнетюркский период обитали также самодийско- и кетоязычные племена (Вайнштейн 1961:20; Маннай-оол 2004:86-92).

Основу хозяйства племен Тувы, как и прежде, составляло кочевое скотоводство, охота, земледелие. Достаточно развитой отраслью была металлургия, основанная на умении добывать и плавить железо и изготавливать из него различные предметы быта и вооружения. Существенную роль в жизни местных племен играли домашние ремесла — деревоотделка, валяние войлока, выделка шкур и кожи, ткачество (изготовление грубой ткани из волокон растения). Менее развито было гончарство.

Вопрос о характере общественных отношений в Тюркском каганате долгое время оставался спорным. Одни считали, что это был рабовладельческий строй, другие — что здесь господствовали ранние формы феодальных отношений, третьи находили, что это был военно-демократический строй. В настоящее время дискуссию можно считать исчерпанной, так как большинство исследователей считает, что древнетюркский каганат был государством раннефеодального типа, в котором царил военная диктатура кочевой феодальной аристократии, осуществляемая при помощи государственного аппарата. Это государство кочевников не имело постоянных территориальных границ, оно было многоплеменным и различным по этническому составу населения. Его специфической особенностью являлось переплетение феодальных

отношений с патриархальными, вследствие чего их правильнее именовать патриархально-феодальными отношениями.

Археологические раскопки и китайские летописи дают весьма интересные сведения о религиозных верованиях древних тюрков. Они были шаманистами, верившими в существование духов, влияющих на судьбу человека, и в загробный мир, который представляли по образу земной жизни. Посредниками между духами и людьми были шаманы и шаманки; при необходимости они совершали моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями; иногда лечили больных, устраивали гадания. Вместе с тем в 70-х гг. VI в. при Таспар-кагане к ним проник буддизм, в результате чего образовалась буддийская сангха, усердно поддерживаемая правящей верхушкой. Однако в целом буддийское учение не получило распространение в среде рядовых кочевников.

Древнетюркский период в истории Тувы сыграл значительную роль: сформировались основные черты традиционного хозяйства, образа жизни, материальной и духовной культуры местных племен, обусловленные становлением и развитием феодальных отношений; образовалось единое ядро тюркоязычной этнической общности; именно к этому времени по происхождению относятся тувинские родоплеменные группы *куулар*, *тюлюш*, *телег*, *соян*, *долаан* и другие.

В то же время с существованием древнетюркского каганата связана ранняя история многих других современных тюркоязычных народов: алтайцев, хакасов, киргизов, казахов, узбеков, туркмен, уйгуров. Последние из них, как отмечалось ранее, произошли из групп племен теле и сыграли важную роль не только в политической, но и в этнической истории народов Центральной Азии.

В исторических источниках сообщается, что уйгуры (каогюй) были храбры и сильны, искусны в конной стрельбе из лука, их силами древние тюрки геройствовали на необъятных просторах Центральной Азии и Южной Сибири. Результатом возвышения племен теле (токуз-огузов), среди которых доминирующее положение занимали уйгуры, стало образование в 745 г. могущественного **Уйгурского каганата**, просуществовавшего до 840 г. Главу государства уйгуры, как и раньше жужане и тюрки, называли каганом.

Очень ценные сведения по истории Тувы этого периода дает каменная стелла с надписью на древнетюркском (орхонском) алфавите, поставленная в честь Элетмиш Бильге-кагана в 758 г. на берегу Селенги, из которой следует, что после падения восточных тюрков-тюкю в 745 г. власть в Туве вновь перешла к местным племенам, возглавляемым чиками. Последние находились в союзнических отношениях со своими северными соседями

— кыргызами, союз с которыми был основан прежде всего на стремлении племен бассейна Енисея воспрепятствовать захвату своих земель приходившими периодически, сменяя друг друга, кочевниками из Центральной Азии. Такими завоевателями на этот раз оказались уйгуры под предводительством Элетмиша Бильге-кагана (История Тувы 2001:113-11).

Помимо прочего источники указывают, что Бильге-кагану нелегко пришлось в Туве, так как здесь сложилась довольно мощная антиуйгурская коалиция племен Саяно-Алтайского нагорья, состоявшая из живших на Иртыше карлуков, оставшихся тюрков-тюкю и кыргызов, которым удалось переманить на свою сторону и чиков. Однако уйгурам удалось захватить территорию Тувы и прилегающую к ней часть современной Северо-Западной Монголии, представлявшими для них важнейшее стратегическое значение. Кыргызы, жившие в Минусинской котловине и отделенные Саянским хребтом, объявили уйгурам войну, которая беспрерывно длилась 20 лет.

В период господства уйгуров на территории Тувы впервые появились монументальные архитектурные сооружения — обнесенные крепостными стенами городища, замки и крепости, во внешнем облике которых отчетливо присутствовало среднеазиатское влияние, и прежде всего культур Семиречья и Согдианы.

Известно, что в VI — VII вв. в каганате восточных тюрков-тюкю жили согдийцы, количество колоний которых в Центральной Азии значительно увеличилось при уйгурах. В первое время каганы привлекали к строительству крепостей непосредственно согдийских архитекторов и строителей, которые, естественно, применяли при этом привычные им среднеазиатские приемы и строительные материалы. Поэтому вполне вероятно, что в строительстве городищ и крепостей в Туве, начатом еще при Элетмиш Бильге-кагане, принимали участие согдийцы.

Однако преобладающим в численном отношении населением Тувы в то время были местные племена, среди которых археологи выявили две основные группы (там же:125). Первая — это те оставшиеся в Туве древнетюркские племена, которые в VIII — IX вв. обособились от других этнических групп, строго сохраняя присущие им черты погребального обряда. В богатых мужских погребениях были найдены золотые серьги с напускными кольцами из шариков на подвеске, деревянные предметы, покрытые черным лаком, китайские зеркала, деревянные гребни, которые по материалам и форме были аналогичны предметам тюркских погребений, исследованным в Алтае и в Монголии. Другую этническую группу местного населения составили тюркоязычные азы, чики и другие племена,

названия которых не сохранились в источниках. Они тоже отличались особенностями погребального обряда как от уйгуров, так и от тюрков-тююкю. При раскопках их могил обнаружались архаичные черты, присущие местному населению еще в скифское время.

Весьма интересной была конфессиональная ситуация при уйгурах - с 763 г. государственной религией каганата стало манихейство, заимствованное уйгурами из Средней Азии через согдийцев, которое в первую очередь было принято местной знатью. В то же время продолжали существовать шаманизм и буддизм, приверженцами которых были не только местные племена, но и уйгуры.

Важнейшими отраслями хозяйственной деятельности населения Тувы по-прежнему были экстенсивное кочевое скотоводство и земледелие. Основные средства — пастбища и скот — уже находились на основе феодального права. А земледелие стало плужным, использовалась тягловая сила животных, искусственно орошались засушливые участки земли, прилегающие к речным долинам. Наиболее плодородными в Туве были земли по долинам Хемчика и Улуг-Хема (современные районы Чаа-Холь, Шагонар и Чадан). Однако в целом удельный вес земледелия в общей хозяйственной деятельности не был значительным.

Большинство населения, включая и самих уйгуров, занималось скотоводством. Ведя кочевой образ жизни, племена жили в войлочных юртах колоколовидной формы с шейкой наверху. Ремесло в уйгурский период, прежде всего металлургия, гончарство, ткачество, горное, литейное, кузнечное и ювелирное дело, окончательно отделилось от скотоводства и земледелия.

Особое развитие получила торговля с соседним Китаем. Уйгуры являлись поставщиками в Китай собольего меха, лошадей, продуктов скотоводства, а обратно они везли главным образом предметы роскоши, китайский шелк, фарфор, одежду, бумагу (Потапов 1969:117-118). Приобретение бумаги свидетельствовало о наличии у уйгуров своей письменности, которая, как известно, основывалась на орхонском алфавите. Местные племена Тувы пользовались енисейским вариантом этой письменности.

В рассматриваемый период также произошло значительное обогащение этнического состава населения Тувы уйгурским компонентом. Например, уйгурское происхождение имеют такие современные родовые группы тувинцев, как *ондар* (от ондар-уйгур), *сарыглыр* (от сарыг-уйгур), *байкара* (от пай) и ряд других. По сведениям Е. И. Яковлева, представители рода уйгуров встречались в Туве в начале XX в. почти в каждом сумоне (1900:312). По данным других авторов, уйгурами называли

тувинцев в целом. Так, Д. А. Клеменц, побывав в Восточной Туве, указывал, что «здесь до сих пор живут урянхи, называющие себя то туба, то уйгур-олос, а язык свой уйгур хель» (1895:71; см. также Ральдин 1969:31-32). Г. Н. Потанин сообщил, что омонголенные ныне хубсугульские тувинцы — дархаты — называют язык тувинцев уйгурским (1893:13).

Однако в 840 г. **кыргызы**, воевавшие с уйгурами с момента их прихода к власти, при поддержке отдельных племен Саяно-Алтая вытеснили их далеко за пределы Тувы, хотя какая-то их часть, безусловно, осталась здесь навсегда. Вступив на территорию Тувы, кыргызы открыли себе долгожданный путь на просторы Центральной Азии — в Монголию, Джунгарию и Восточный Туркестан. Ставка их правителя располагалась в Северо-Западной Монголии южнее гор Танну-Ола, «в 15 днях езды от прежнего уйгурского стойбища» (Бичурин 1950:356; Савинов 1984:89).

Раздробив уйгуров на мелкие осколки, енисейские кыргызы создали свое государство, границы которого простирались на восток до Прибайкалья, на юг до Восточного Туркестана, на юго-запад до Семиречья (Бичурин 1950:354). Аналогичные границы расселения кыргызов в IX — X вв. отмечают и арабо-персидские источники: они граничили на западе с кимако-кыпчакским государством с центром на Иртыше, на юго-западе — с карлуками в пределах Семиречья, на юго-востоке — с токуз-огузами (уйгурами) в горах Восточного Тянь-Шаня (Караев 1968:33-37,48). К середине X в. ставка кыргызского кагана была перенесена в Минусинскую котловину.

На территории Тувы исследовано 450 разнохарактерных комплексов енисейских кыргызов, из которых подавляющее большинство относится к IX-X вв., только 40 — к XI-XII вв., что позволяет предполагать уменьшение численности кыргызов в Туве к северу от Минусинской котловины вследствие их отхода за своим каганом в течение X в. (Кызласов 1983:17).

К сожалению, письменных известий о политических событиях в истории кыргызов XI-XII вв. практически нет. В сочинениях тюркских, арабских и персидских авторов Гардизи, Махмуда Кашгарского, ал-Марвази и ал-Идриси приведены лишь сведения о границах, путях сообщения, хозяйственной жизни и религиозных верованиях, но не о конкретных событиях этого периода (Караев 1968:49).

В них по-прежнему отмечается, что основным занятием населения горно-степных районов было кочевое скотоводство в сочетании с плужным земледелием. Племена, жившие в сопредельных с кыргызами территориях Восточного Саяна — в современной Тодже — имели в то время общезнаменное название *тубо*, в китайском написании — «дубо». Разделялись они на три племени, каждый из которых управлялся своим

начальником. Жили они в шалашах и чумах, не были знакомы со скотоводством и земледелием. Собирали много сараны, употребляли ее в пищу; одевались в собольи и оленьи шкуры; занимались оленеводством и разводили лошадей; ловили рыбу, птиц и зверей, чем и кормились; покойников клали в деревянные гробы и оставляли в горах, либо привязывали на деревья. Образ жизни этих оленеводческих племен практически не менялся со времен Тюркского каганата; изменения имели место лишь в этническом составе населения: постоянно происходило вытеснение старых и вливание новых этнических элементов при устойчивом сохранении основного этнического ядра, коим был союз тюрко-самодийско-кетоязычных племен.

Кыргызский период в истории Тувы отличается от предыдущего уйгурского тем, что не оставил никаких стационарных сооружений. По данным источников, население жило в шатрах и войлочных юртах, различающихся размерами, но не конструктивно: каган селился в большом шатре, начальники и люди ниже рангом — в обычных (Бичурин 1950:49). Именно отсутствие каких-либо городских или оседлых центров, производственных комплексов, дают основание предполагать, что основная часть кыргызского населения вела здесь кочевой образ жизни, а населенные пункты, по всей вероятности, представляли собой шатровые и юртовые города, обнаружить которые невозможно.

Трудно также установить антропологический тип кыргызов вследствие широко бытовавшего у них обряда трупосожжения, однако, в источниках говорится, что они были «высоки и велики телом», имели рыжие волосы, голубые глаза. Тех, у кого черные волосы и глаза, считали несчастливými (Бичурин 1950:353; Кюннер 1958:60).

Основным религиозным верованием кыргызов, как, впрочем, и местных племен, был шаманизм. Шаманские камлания совершались для лечебных целей и предсказаний. Персидский географ Гардизи засвидетельствовал обряд камлания. Под звуки бубна шаман впал в транс, после чего его спрашивали обо всем, что должно произойти в течение года: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Отсутствие единого божества поразило Гардизи, и он подчеркивает, что кыргызы поклоняются различным объектам окружающего мира (Кляшторный 1981:117-118).

О некотором знакомстве кыргызов с тибетской религией бон можно судить по находке в Саглынской долине. В могильной яме под курганом IX — X вв. находились три фрагмента тибетских рукописей на бересте с записями имен злых духов — демонов, вызывавших болезни (Худяков 1987:66-67; История Тувы 2001:150). Очевидно, это было результатом

контактов кыргызов с тибетцами, которые в то время владели землями Восточного Туркестана и продолжали оставаться там и после прихода кыргызов.

Интерпретация Суджинской рунической надписи в Монголии дает право также считать, что кыргызская аристократия весьма положительно относилась к миссионерской деятельности отдельных несторианских проповедников, которые проникли в каганат благодаря карлукам, установившим дружеские отношения с кыргызами еще при уйгурах. От уйгуров-манихеев кыргызы восприняли некоторые стороны их вероучения, а от киданей — буддизм. Однако за исключением шаманизма, все другие религиозные направления не имели широкого распространения в народных массах.

Как и древние тюрки, а также уйгуры, енисейские кыргызы внесли свою лепту в этногенез современных тувинцев. Именно от них ведут свое происхождение группы тувинцев из рода *кыргыз*, проживающие в юго-восточном и центральном районах Тувы, а также в районе хребта Хан-Когей Монголии (История Тувы 2001:151-153).

В целом этнический состав населения Центральной Азии в тот период был чрезвычайно сложным и многокомпонентным. На территории Тувы, Алтая, Монголии проживали такие тюркоязычные племена, как тюрки-тюкю, тюргеши, карлуки, огузы, древние кыргызы, азы, чики, чигили, тубо, кимаки-кыпчаки, курыкане, уйгуры, тюрки-шато и многие другие.

Постепенно в их среду стали активно проникать монголоязычные племена, что привело к смешению, отчасти и вытеснению тюркоязычных этнических групп с исконных земель. Наиболее крупными из них были хамаг-монголы, кэрэиты, найманы, мэркиты, кият-борджигины, тайджиуты, джалаиры, татары, янгуты и другие. В результате этнокультурных контактов с древними тюрками монгольские племена восприняли от них немало культурных достижений, прежде всего связанных с традициями кочевого скотоводства, земледелия, материальной и духовной культуры.

В XI — XII вв. шла ожесточенная борьба за власть между отдельными монгольскими ханами, среди которых особенно выделился предводитель известного рода кият-борджигинов Темучжин (1155-1227). Ему удалось объединить разрозненные монголоязычные племена в единое монгольское государство. В 1206 г. на курилтае (съезде) монгольской знати, созванном в долине реки Онон, Темучжин был провозглашен всемонгольским ханом и ему было присвоено имя-титул Чингисхан (Монгуш 2001:15).

Племена на территории бассейнов Улуг-Хема и Хемчика были

известны в то время под обобщенным географическим названием Кэм-Кэмджиут. Известный персидский историк Рашид ад-Дин пишет: «Киргиз (по кит. Хагяс — М.М.) и Кэм-Кэмджиут — две области, смежные друг с другом; обе составляют одно владение. Кэм-Кэмджиут — большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов (Могулистан), и одна ее граница — с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с бассейном большой реки, которую называют Анкара-мурэн (Ангара — М.М.), доходящая до пределов области Ибир-Сибирь. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны» (Рашид ад-Дин 1952:150).

В монгольском источнике «Сокровенное сказание» говорится, что Джучи принял под власть монгольскую все лесные народы: шибир, кесдиин, байт, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги. Взял он с собою и кыргызских князей, а также князей лесных народов и представив их Чингисхану, «велел бить государю челом своими белыми кречетами, да белыми меринами, да белыми соболями» (Козин 1941:174-175). Появление термина «лесные народы» в летописях объясняется так: «Каждое племя, юрт которого находился близи лесов, причислялось к «лесным племенам», но так как леса в каждой области были далеко друг от друга, то их племена, роды, ветви рода не имели отношения друг к другу. И хотя всех их вместе называли «лесные племена» по лесистой местности, у них было установлено, к какому племени принадлежит каждое из них» (Рашид ад-Дин 1952:47, 112).

Среди покоренных народов упоминаются некоторые из этнических групп, населявших бассейн Верхнего Енисея, в том числе территорию современной Тувы. К ним, в частности, относятся тубасы, туматы, кыргызы, телесы. В то время на территории Саяно-Алтая, по всей вероятности, не было больших кровопролитных сражений, так как правители страны Киргиз и Кэм-Кэмджиутов, хорошо взвесив политическую и военную обстановку в Центральной Азии, решили без особого сопротивления признать верховную власть монгольского хана, чем собственно и сохранили право на свое дальнейшее существование.

В 1270 г. один из преемников Чингисхана Хубилай (1215-1294) назначил правителем-наместником Саяно-Алтайского нагорья дуаньшигуаня Лю Хао-ли, город-резиденция которого находилась на левом берегу Элгеста, по китайским источникам — в области Иланьжоу. Остатки этого города были открыты и исследованы Л. Р. Кызласовым и

названы Межегейским городищем (Кызласов 1969:164). Монголы обложили непомерными налогами подвластное население, ухудшив тем самым и без того нелегкое его положение.

В Туве были образованы область Ханьхэна — вероятно, современная Тоджа; Каньчжоу — земли по среднему течению Енисея, т.е. территория современных Чаа-Хольского и Улуг-Хемского кожуунов; Иланьчжоу (Змеиная префектура) — бассейн Элегеста и Межегея (современный Тандынский кожуун) (см.Кычанов 1963).

Среди покоренных народов, населявших леса и степи Саяно-Алтая и соседних территорий, монгольская хроника 1240 г. упоминает ойратов, бурят, бархунов, урсутов, хабханасов, шибиров, кестинов, байтов, тухасов, тенлеков, толесов, тасов, бачжиги и тубасов (Козин 1941:173). Причем последние были, несомненно, в числе предков современных тувинцев.

После смерти Хубилая в 1294 г. между его преемниками разгорелась ожесточенная борьба за власть. Только за период с 1295 по 1333 г. сменилось восемь императоров, являвшихся чаще всего марионетками в руках враждующих феодальных кланов. Таким образом, «огромная Монгольская империя, раздираемая внутренними противоречиями, взрывами восстаний угнетенных народов против ига монгольских феодалов, распадалась» (Кызласов 1965:63).

В некогда процветавшей империи наступил период «всеобщего оскудения»; монголы утратили все свои культурные приобретения и прекратили торговлю с соседними странами, в результате чего вся страна оказалась изолированной больше, чем до Чингисхана, а власть монгольского хана стала слабой и призрачной.

В середине XIV в. в Китае вспыхнули массовые народные восстания, постепенно переросшие в войну против монгольского владычества. В 1368 г. китайцы под предводительством Чжу Юань-чжэня заняли столицу Монгольской империи. Юань-чжан провозгласил себя императором под именем Хуньву и положил конец династии Юань, основав свою собственную — Мин (1368 — 1644 гг.).

Внешний облик населения Тувы в монгольскую эпоху остается малоизученным из-за отсутствия на ее территории хорошо датированных погребений XIII — XIV вв. Скучные сведения содержатся в одном тибетском источнике, где говорится: «Люди этой земли по большей части владели богатствами. Именно многие из них были владельцами 10 тыс. прекрасных лошадей. Они имели голубые глаза и рыжие волосы... и постоянно навешивали на себя оружие различного рода» (Кызласов 1969:164).

В других источниках сообщается, что одна из частей монголоязычных

племен найманов обосновалась в бассейне Енисея и постепенно влилась в состав кэм-кэмджиутов, т.е. исторических предков тувинцев. С местными племенами Тувы сливались и другие монголоязычные группы, в частности, ойраты. Это подтверждается тем, что тувинский род *салчак* включал в себя ойратский соек олет, а качинский род ближайших соседей тувинцев хакасов — ойрат.

По мнению ряда исследователей, с монголоязычными племенами по своему происхождению связаны такие тувинские этнонимы, как *монгуш*, *салчак*, *олет*, *донгак* и другие (История Тувы 2001:162). Из них родоплеменные группы салчак, олет и донгак связывались с ойратами, салджиутами, корейтами, упоминаемыми в «Сокровенном сказании» и в сочинении Рашид ад-Дина. Хотя этимология этих терминов до сих пор остается не до конца выясненной, части этих групп могут быть связаны с монголоязычными племенами, проникшими в Туву. Однако, как считают исследователи, нет никаких оснований относить крупные этнические группы тюркоязычных тувинцев — монгушей — к монголоязычному этносу.

Приток монголоязычных племен в Туву был частично связан и с насильственной колонизацией, т.е. переселением монголов и других колонистов на ее территорию для строительства военно-пахотных поселений, городов и других работ. Еще одним фактором этнического смешения монголоязычных элементов с аборигенным населением было то обстоятельство, что «многие монголы, ушедшие в чужие края, оставлены там навсегда для несения гарнизонной службы, так и растворились в местной этнической среде».

Таким образом появление монголоязычных племен в Туве в эпоху Чингизидов (начало XIII — конец XIV в.) во многом предопределило те этнические перемены, которые в конечном итоге привели к ассимиляции монголоязычных этнических групп местным тюркоязычным населением (Кадырбаев 1990:92; Маннай-оол 2004:48-61). С этого времени происходил длительный и непрерывный процесс этнического, хозяйственного, культурного сближения и смешения населения Тувы с монголоязычными племенами, оставившими свои следы в этномике и топонимике (История Тувы 2001:162).

В целом монгольская эпоха в истории Тувы, с точки зрения российских ученых, сыграла весьма неоднозначную роль. Привнеся какие-то положительные моменты (элементы государственности, систему военной организации, развитие конной кавалерии), она имела немало отрицательных последствий. В частности, надолго, почти на века задержалось развитие производительных сил в регионе; военная мобилизация людских и

экономических ресурсов нанесла огромный ущерб хозяйству, сократилась численность местного населения; полностью были разрушены стационарные поселения; оборонительные сооружения, оросительная система; утрачены многие достижения культуры, например, древнетюркская руническая письменность, основанная на енисейском алфавите. Уровень социально-экономического и культурного развития Тувы и других поработанных монголами народов и стран, не только затормозился, но и оказался отброшенным далеко назад.

Во второй половине XVI в. наступил так называемый «монгольский ренессанс» (Владимирцов 1934:15; Жамцарано 1936:10; Heissig 1959:11), в основе которого лежали, с одной стороны, активизация борьбы за объединение разрозненных монгольских земель, с другой — широкомасштабное распространение буддизма в форме традиции Гелугпы.

В результате этих интеграционных процессов, охвативших монгольское общество, в конце XVI в. возникло государство Алтын-ханов, основателем которого был Шолой Убаши-хунтайджи (1507 — 1583 гг.), один из самых крупных феодалов Халхи, получивший титул первого Алтын-хана (после смерти Шолой Убаши его преемником стал его сын Омбо-Эрдени, которого в 1658 г. сменил внук первого и сын последнего Лубсан). «Хотелось бы отметить, - пишет Н.П.Москаленко, - что государство Алтын-ханов нельзя рассматривать только как монгольское. Этническое ядро его населения составляли как хотогойты, которые, по мнению А.Позднеева, были омонголенными потомками тюркоязычных уйгуров, так и ряд тюркоязычных родоплеменных групп, которые начали складываться здесь в тувинскую этническую общность еще в XI-XII вв.» (1880a:154; см. также Москаленко 2004:21; Вайнштейн 1957:210).

Территория, подчиненная Алтын-ханам, примыкала непосредственно к границам России, в том числе к Красноярскому острогу и закрывала путь к верховью Енисея — реки, которая служила основной транспортной магистралью освоения русскими Сибири, что определило его геополитическую значимость для России. Правители последней хорошо понимали, что возможность вовлечения государства Алтын-ханов в орбиту влияния России способствовало бы ее выходу к Китаю и установлению с ним выгодных торговых отношений (Москаленко 2004:21).

Ставка Алтын-хана находилась на берегу озера Убса-нур, в долине реки Тес. Границы его государства простирались на севере до Саянских гор, на юге — до предгорий Монгольского Алтая, на западе — до верховий Иртыша, на востоке — до озера Хубсугул (История Тувы 2001:175).

Тувинские племена, находившиеся под владычеством Алтын-хана,

кочевали не только на территории современной Тувы, но и южнее, вплоть до Кобдо, а восточнее до озера Хубсугул, где спустя несколько веков (в начале XX в.), после установления государственных границ между Тувой и Монголией, образовались этнолокальные группы кобдинских и хубсугульских тувинцев, которые оказались оторванными от своего основного этнического массива. Некоторые тувинские племена обитали и по северную сторону Западных Саян и в Минусинской котловине. В основном это были родоплеменные группы *маады*, *кужугеты*, *ооржаки*, *сояны*, некоторая часть енисейских кыргызов, частично влившихся в состав тувинских этнических групп. Согласно китайским источникам, к урянхайцам, как тогда называли все тувинские племена, относились и племена мингат, кочевья которых располагались по реке Хемчик.

Русские впервые встретились с тувинскими племенами в начале XVIII в. в процессе освоения ими Южной Сибири. В начале 1604 г., перед основанием г. Томска, было известно, что в 14 дней езды от Томска кочевали *маады* во главе с князем Четыем, имевшим 2300 подвластных ему людей (Материалы по истории 1959:61). Отношение маады к русским, как отмечали сами русские, было дружелюбным. Между городами Томском и Кузнецком в 1616 — 1617 гг. кочевали *кужугеты*, а в степных бассейнах верхнего течения Оби — *ооржаки*. Эти племена платили дань не только Алтын-хану, но джунгарскому хунтайджи Хара-хуле. Совместно с ними проживали алтайцы, телеуты и татары. По соседству с алтайцами-телесами в горах близ Телецкого озера обитали *сояны*.

Обложенное данью как со стороны Алтын-ханов, так и джунгаров (во вт. пол. XVII в. они образовали Джунгарское ханство в Западной Монголии), подвластное население проявляло интерес к русским послам, при каждом удобном случае выражая готовность войти в состав Русского государства, политика которого в то время по отношению к данникам была не только несравнимо мягкой, но и способствовала установлению мирной жизни в регионах русского влияния (История Тувы 2001:182).

Как раз в это время некоторые тувинские родоплеменные группы стали переходить в подданство в русские города-остроги. Небольшая часть восточных и северо-восточных тувинцев была приписана к Красноярскому и Иркутскому уездам, где они числились особыми землицами и улусами. В Красноярском уезде тувинцы составляли землицу под названием Саянской, где обитали представители родов *хойук*, *тоджи* (тожу), *тодут*, *кара-чоолу*, *шадыш* (или шалык), *кол*. По своему месторасположению Саянская землица соответствует территории современного Тоджинского кожууна Республики Тыва. Исследователи полагают, что свое название землица получила от названия рода соян,

которое сохранилось и у современных тувинцев, являясь местным самоназванием для значительной части населения в ряде районов Тувы (Долгих 1960:257-259). Часть их во главе с князем Иргаем откочевала к джунгарам («черным калмыкам») на Алтай, где они обосновались в долине Катуня вместе с мунгатами и тоджи, войдя в тесный контакт с жившими там алтайскими телесами.

На основании изучения ясачных документов Б.О.Долгих установил численность населения Саянской земли. Здесь было 150 плательщиков ясака, что соответствовало около 600 жителям (1960:257-268). Учитывая, что в последующие столетия население Северо-Восточной Тувы составляло лишь 2-3% от общей численности тувинцев, можно полагать, что последние насчитывали в ХУІІ в. не более 25-30 тыс. человек. В это число не входила часть тувинских племен, кочевавшая на северо-востоке Монголии, в бассейне р.Кобдо, на Алтае, а также пребывавшие в составе других земель (Москаленко 2004:22).

Кроме Саянской земли тувинцы обитали также в Тубинской и Хасутской землях Красноярского уезда. Здесь в основном жили родоплеменные группы *хуреклиг*, *мунгут*, *хаасут*, *иргут*, *балыкшы*.

Тувинцами, приписанными к Иркутскому уезду, были долонгуты-теленгиты. Необходимо отметить, что в русских исторических документах XVII в. с 60-х годов иркутские тувинцы именуется «тувинцами», «урянхами», «сойотами», «теленгитами». Из источников известно, что племя теленгит в начале XIII в. жило между Хубсугулом и верховьями Енисея, а их предки толанко или догангье, упоминаемые в китайских династийных хрониках и входившие в VI — VIII вв. в конфедерацию племен теле, — обитали в районе Хангайских гор. Этноним «теленгит» продолжал бытовать также у значительной части ближайших предков современных тувинцев. Так, теленгитами в русских документах названы тувинцы, жившие в районе озера Хубсугул по соседству с монголами. Вместе с тем этноним «теленгит» вплоть до XX в. являлся самоназванием и западных тувинцев, кочевавших в Русском Алтае (долина реки Чуй) и в Монгольском Алтае между реками Кобдо и Черный Иртыш (Долгих 1960:298-299). Впоследствии последняя группа тувинцев оказалась на территории Монголии, где образовали целый сумон под названием Цэнгэл.

В 1688 г. в результате междоусобной войны восточных и западных монголов тувинские кочевья в Северной и Северо-Западной Монголии частично отошли во владения джунгарского Галдан Бошукту-хана (см. Златкин 1964). Тувинские племена, попавшие под власть джунгаров, помимо дани несли и воинскую повинность, вследствие чего тувинские войска часто оказывались в составе армии джунгарского хана во время

его походов в другие страны. Джунгарские правители высоко ценили боевые качества тувинских военных подразделений, а рядовое тувинское население в составе Джунгарии, составляло отдельное Урянхайское ханство (Бичурин 1834:155).

В то же время часть тувинцев, кочевавшая между Черным Иртышом и Западным (Русским) Алтаем, была передана Цинской (т. е. Маньчжурской) династии Китая, которая возникла во второй половине XVIII в. в результате разгрома Джунгарского ханства маньчжуро-китайскими завоевателями. Они находились в ведении наместника Дзасактухановского аймака Донмока, кочевавшего между Черным Иртышом и Урунгу-голом в Монгольском Алтае. Сам цинский император не претендовал на тувинцев, занимавших земли по Хемчику и Улуг-хему; он реально владел землями тувинцев, кочевавших близ озера Хубсугул (История Тувы 2001:189-190).

Следует заметить, что жизнь тувинских племен в XVI — XVIII вв. складывалась достаточно сложно: они попеременно, иногда и одновременно, входили в состав тех или иных государственных образований. Находясь в составе государства Алтын-ханов, тувинские племена управлялись монгольскими князьями. В их обязанности входили, прежде всего своевременный сбор и доставка дани, участие в походах Алтын-ханов и выполнение их распоряжений и приказов. То же самое наблюдалось и в период вхождения тувинских племен в состав Джунгарского ханства. Тувинцы, платившие дань в русские города-остроги, напротив, полностью управлялись своими князьями, так как русская администрация не вмешивалась в дела их внутреннего управления, а только следила за исправным поступлением дани. Этим объясняется в значительной мере то обстоятельство, что многие правители тувинских племен и родов предпочитали находиться в российском подданстве, так как оно не затрагивало их самостоятельности, в то время как подданство у монгольских правителей было сопряжено с некоторой ее потерей (там же:192). Оказавшись в 1758 г. под властью правящей Китаем династии Цин, тувинцы вынуждены были жить уже по новым законам, установленным маньчжуро-китайскими завоевателями. Это был существенно новый этап в истории Тувы, требующий отдельного рассмотрения.

Что касается процесса формирования тувинского этноса, то он к этому времени почти завершился, о чем свидетельствуют следующие события и факты. Например, едва ли можно рассматривать этногенез тувинцев, их этническую историю вне устойчивой в определенные периоды этнической территории, хотя как показали исследования, подвижность кочевых племен, из которых складывался тувинский этнос,

и превратности их военно-политических судеб, могли иногда суживать или расширять, либо размывать их этническую территорию. Однако обширные пространства, занимаемые горными хребтами Саяно-Алтая, с прилегающими к нему областями, мы с полным основанием можем признать той этнической территорией, с которой было связано формирование племен, вошедших впоследствии в состав тувинского этноса. Предки тувинцев осваивали этот регион в течение многих веков; они имели здесь свои поселения, пастбища, кочевья, пахотные земли и охотничьи угодья.

Кроме наличия относительно устойчивой территории, способной в достаточной мере обеспечить контакты племен друг с другом, для образования тувинского этноса, как впрочем и любого другого, требовался ряд других условий, а именно, наличие общего для всех племен языка; наличие такой системы хозяйства, которая сочетает ведущий хозяйственный уклад с другими формами хозяйственной деятельности; наличие сходных черт в материальной и духовной культуре; наличие социально-политических факторов, объединяющих группу данных племен в союз или конфедерацию на почве их отношений с другими соседними народами и племенами; сознание принадлежности к единой этнической общности.

У племен, образовавших тувинский этнос, уже в XVIII в. эти условия имелись налицо: у них была общая территория, единый язык с племенными (региональными) диалектами, этническое самосознание. Они вели кочевой образ жизни, занимались преимущественно скотоводством и охотой, частично земледелием и жили в условиях патриархально-родового быта и патриархально-феодальных общественных отношений; у них к тому времени уже сложился общий тип культуры, хотя и сохранивший локальные и племенные особенности.

Вместе с тем следует отметить, что сложение едва ли не всех тюркоязычных этносов Центральной Азии и Южной Сибири очень близко совпадало по времени, поэтому нет оснований полагать, что тувинцы составляли в этом отношении какое-то исключение, хотя сложение тувинского этноса несомненно обладало чертами своеобразия.

Исследования показывают, что процесс формирования племен, образовавших тувинский этнос, протекал в течение длительного времени на огромной территории. Этнический состав населения Тувы включал не только потомков древнетюркских племенных и государственных образований (теле, уйгур и т. д.), но и отражал те изменения, которые произошли в нем за период вступления в активные взаимоотношения с монголами. Изменения эти характеризовались смешением тюркоязычных и монголоязычных племен в районах кочевий тувинцев, в результате чего

в среде последних ассимилировались некоторые монголоязычные группы и, напротив, отдельные тувинские родоплеменные группы подверглись монголизации. Яркий пример — прихубсугульские дархаты, именовавшиеся в русских исторических документах XVII в. теленгитами-долонгутами, сойотами, тувинцами, затем мингатами. К таковым относятся также хотогойты и некоторые другие родоплеменные группы, утратившие свой тувинский язык и получившие известность как урянхайцы.

В XVII — XVIII вв. на территории современной Тувы и прилегающих к ней районов жили основные родоплеменные группы тувинцев, хотя расселение их было дисперсным, не компактным. Это были *куулары, тюлюши, делеги, сояны, долааны, ондары, байкара, сарыглары, уйгуры, кыргызы, хойуки, салчаки, ооржаки, донгаки, олеты, монгуши, кужугеты, иргиты, хомушку, саая, оюны, хертеки, теленгиты, маады, хаазуты, балыкшы, чооду, тодуты* и другие.

Для правильного понимания этнических процессов, приведших к образованию тувинского этноса, немаловажное значение имеет та или иная трактовка вопроса об этнониме «тыва». В первое время сложность заключалась в том, что современные носители этого этнонима в более ранний период своей истории упоминались в источниках под другими названиями — «урянхи» и «сойоты». Сам факт наличия разно звучащих этнонимов поначалу заставлял исследователей не торопиться с выводами в пользу утверждения об общности происхождения их носителей, но впоследствии выяснилось, что названия «урянхи» и «сойоты» всегда были равнозначны этнониму «тыва», хотя сами тувинцы никогда не называли себя ни урянхайцами, ни сойотами. Вместе с тем есть основания полагать, что в прошлом, во всяком случае в XIII в., этноним «урянх» или «урянкат» был известен в Монголии и Южной Сибири. Такое название тувинцам в XVIII в. дали соседние народы, о чем в частности писал Г. Н. Потанин: «название «урянхи» дают этому народу монголы, а сами же себя зовут «туба» или «тува» (1883:653-654). Что касается термина «сойот», он произошел от одного из наиболее широко распространенных этнонимов «соян». Соянами называли и до сих пор называют тувинцев тюркоязычные соседи — хакасы и алтайцы.

Историческое самоназвание тувинцев «тыва» по разным причинам долго не употреблялось их соседями, хотя этноним «тыва» («дубо», «туба») как этническое наименование, по данным письменных источников, упоминается впервые по отношению к населению Восточной Тувы еще в середине I тыс. н.э. (Бичурин 1950:138). Позднее этническое название «тыва» было зафиксировано в русских источниках 60 — 80 гг. XVII в. (История Тувы 2001:308).

Таким образом, из вышеизложенного следует, что в рассматриваемый период этноним «тыва» как самоназвание тувинского этноса распространился на племена Тувы в процессе их консолидации в единый этнос. Начало этого сложного процесса, к которому следует подходить диалектически, примерно относится к XIII — XV вв., но наиболее интенсивно он шел, несомненно, в XVI — XVII вв., а завершение его по всем признакам произошло в первой половине XVIII в., хотя в отдельных районах он частично продолжался и позднее. Во всяком случае, в период, предшествовавший установлению господства Цинской династии, тувинцы представляли собой вполне сложившийся этнос.